

Библиотека драматургии
Агентства ФТМ, Лтд.

Константин
Симонов

Чужая тень

Библиотека драматургии Агентства ФТМ

Константин СИМОНОВ

Чужая тень

«ФТМ»

1949

Симонов К. М.

Чужая тень / К. М. Симонов — «ФТМ», 1949 — (Библиотека драматургии Агентства ФТМ)

Главный герой пьесы – глава крупного бактериологического института, талантливый ученый Сергей Александрович Трубников. Посвятив свою жизнь исследованию опасных инфекционных болезней, он много раз рисковал жизнью, проверяя изобретенные препараты прежде всего на самом себе, так что поводов сомневаться в его мужестве нет. Но не устояв перед грехом тщеславия и не посоветавшись предварительно с коллегами по институту, Трубников посылает секретные разработки в Америку, в расчете на издание собственной книги за границей. Столкновение противоположных взглядов на соотношение гуманизма и науки, на то, стоит ли наука выше политических интересов и составляет основной конфликт пьесы.

© Симонов К. М., 1949

© ФТМ, 1949

Содержание

Действующие лица	5
Действие первое	6
Картина первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Константин Симонов

Чужая тень

Драма в четырех действиях, шести картинах

Действующие лица

Сергей Александрович Трубников.

Ольга Александровна Трубникова.

Елена Сергеевна Трубникова.

Андрей Ильич Макеев.

Семен Никитич Саватеев.

Марья Трофимовна Саватеева.

Григорий Иванович Рыжов.

Федор Федорович Иванов.

Виктор Борисович Окунев.

Галина Петровна, его жена.

Секретарь Трубникова.

Место действия – большой университетский город.

Действие первое

Картина первая

*Кабинет директора бактериологического института. Это большая комната в здании того типа, что строили в начале тридцатых годов: низкий потолок и громадное, почти в целую стену, окно. За окном виден серый кубический корпус, тоже постройки тридцатых годов, и угол нового строящегося дома. В кабинете довольно много мебели: шкаф, письменный стол с мягкими креслами возле него, длинный стол для заседаний, вокруг него жесткие кресла. В углу старый кожаный диван. В другом углу, позади письменного стола, несгораемый шкаф. На полу ковер. На стенах несколько грамот в массивных рамах и очень много фотографий, судя по сюжетам их, очевидно, демонстрирующих историю института. Выше фотографий, на той стене, где их особенно много, маленький плакатик с красиво выведенными цифрами: 1921–1946. Утро. Занавес открывается в ту минуту, когда директор института **Сергей Александрович Трубников** встает из-за стола для заседаний, чтобы закончить ежедневное утреннее совещание с руководителями отделов института. Трубников – высокий, сильно сидящий мужчина, на вид лет пятидесяти, гладко выбритый и довольно коротко подстриженный, с приятным, энергичным лицом еще не собирающегося стареть человека.*

Трубников. Ну что же, если вопросов нет, то все могут быть свободны, вернее могут быть заняты своими делами. Начнем еще один рабочий день. Григория Ивановича прошу остаться.

*Все присутствующие – их шестеро – расходятся. Остается только **Григорий Иванович Рыжов**, тридцатилетний человек, невысокий, подвижный, с рыжеватыми волосами и чуть тронутым оспой красивым лицом.*

Рыжов. Что, Сергей Александрович?

Трубников. Садитесь. Сегодня ночью я снова думал о нашем с вами опыте. У меня возникли сомнения.

Рыжов. В чем?

Трубников. В двух вещах. Во-первых, начинать ли пробу прививок прямо с чумы? И, во-вторых, начинать ли с вас?

Рыжов. Я тоже думал. И у меня нет сомнений. Начинать подобный опыт на человеке у нас в институте мы с вами имеем право только с меня, как с секретаря парторганизации, или с вас, как с директора. Целесообразнее с меня. Пусть лучше эти десять дней карантина останутся без меня мой отдел, чем без вас – институт. Относительно же чумы...

Трубников. Да, вот именно, относительно чумы, не вернее ли все же будет начать испытание наших прививок особо опасных инфекций по восходящей: сыпной тиф, туляремия и лишь в конце концов – ее величество чума. А?

Рыжов. Можно задать вам вопрос?

Трубников. Да.

Рыжов. Ваши ночные сомнения не касались принципов самого открытия?

Трубников. Нет, принципы непоколебимы, и успех несомненен!

Рыжов. Тогда, мне кажется, верней начать именно с чумы. Мы же с вами не можем каждый раз заражать себя самих и терять время на карантин. От этого пострадает работа. А когда я заражу себя чумой и благополучно останусь здоров, то мы получим после этого моральное право проверять менее опасные болезни на любом из желающих лаборантов. Кстати, партбюро получило уже шесть заявлений.

Трубников. Вы, как всегда, рассудительны и, как почти всегда, правы.

Рыжов. Ах, Сергей Александрович, какая там рассудительность, когда наш институт на пороге такого открытия, которое рано или поздно, но в конце концов сделает десятки болезней безопасными (*дотрагивается до своего лица*), как уже давно безопасна эта оспа! Я дрожу от волнения всякий раз, как только подумаю об этом!

Трубников. Этого, однако, не видно по вас.

Рыжов. Я сдерживаюсь. (*Пауза.*) Я пошел, мне пора начинать.

Трубников. Жаль, что вы решили приступить к опыту сегодня. Я хотел позвать вас на маленькое семейное торжество. Сегодня ночью приехала Лена.

Рыжов. Леночка?

Трубников. Вы, помнится, дружили с ней до войны?

Рыжов. Да. Теперь мне особенно жаль, что мы с вами не можем отложить опыт, если хотим, чтобы он закончился еще в этом году.

Трубников. Да, вы правы. Сегодня двадцать первое декабря...

Рыжов. А в десять утра тридцать первого я буду стоять здесь перед вами.

Трубников. А там и Новый год.

Рыжов. А там и Новый год. Ну...

Трубников. Погодите, мне все хочется еще что-то сказать вам. Ведь все-таки...

Рыжов. Не надо, Сергей Александрович! Мне всегда нравилось ваше спокойствие накануне любых опытов. А я ведь ваш ученик. Ну...

Трубников (*протягивая ему руку*). Вы правы. Помните, что я абсолютно спокоен за препарат. Иначе я это сделал бы сам.

Рыжов. Я тоже не буду волноваться ни минуты.

Трубников (*улыбнувшись*). Будете сдерживаться?

Рыжов. Нет, просто не буду волноваться. До свидания.

Трубников. До свидания, Григорий Иванович.

Провожает его до двери. Рыжов выходит. Трубников, взглянув на часы, садится за письменный стол и надевает очки. Стук в дверь.

Да.

Входит Федор Федорович Иванов. Мы его уже мельком видели в начале картины. Это среднего роста худощавый человек. У него очень коротко, под «бокс» подстриженные волосы, медного загара лицо и шея и быстрая, порывистая походка. На вид ему под пятьдесят. Поверх костюма он в расстегнутом медицинском халате.

Иванов. Я на пять минут. Неотложное дело.

Трубников. Я к вашим услугам, Федор Федорович. Но, простите Бога ради, за одно замечание...

Иванов. Халат?

Трубников. Да. Я третий год покорнейше прошу товарищей профессоров подавать всем пример и не ходить в этот корпус в халатах. Не превращайте мой кабинет в лабораторию.

Иванов. Хорошо. Я постараюсь посещать ваш кабинет возможно реже. Кстати, он мне не нравится.

Трубников. Вот как! Чем же?

Иванов. Слишком большой письменный прибор на столе и слишком много ваших фотографий на стенах.

Трубников. Хорошо. Завтра я добавлю несколько ваших. Не демонстрируйте своего дурного характера, я с ним знаком уже двадцать шесть лет. К делу!

Иванов. Я вернулся известить вас о том, о чем не хотел говорить при всех. Вчера вечером после вашего ухода ко мне в отдел особо опасных инфекций явился профессор Окунев и, ссылаясь на ваше разрешение, просил показать ему методы изготовления препарата «С-Т».

Трубников. Ну?

Иванов. Я выставил его.

Трубников. То есть как выставили?

Иванов. То есть по форме – вежливо, а по существу – бесповоротно.

Трубников. С какой стати вы себе это позволили?

Иванов. А с какой стати это дутое медицинское светило лезет в секреты изготовления нашего препарата? Он нам не прямое начальство ни по ученой, ни по административной линии, а праздное любопытство я предпочитаю не поощрять.

Трубников. Вы не учли только одного: что он сослался на мое разрешение. Надеюсь, я имею право показать моему другу методы изготовления моего препарата?

Иванов. Между прочим, не «моего», а нашего, институтского.

Трубников. Между прочим, с тех пор как институт находится под моим руководством, я как-то никогда не отделял себя от него.

Иванов. Вернее, его от себя. Ох, как же вы любите, чтобы все к каждому слову прибавляли: «Под руководством Сергея Александровича!» И каждый опыт под вашим руководством, и каждую морскую свинку загубили под вашим руководством, и сидим, и дышим, и передвигаемся – все под вашим руководством! А вот у меня свои мозги, и они находятся под моим собственным руководством, и, раскинув ими, я не пустил к себе в лабораторию этого верхогляда.

Трубников. Сегодня пустите.

Иванов. Письменное приказание от вас!

Трубников. Хорошо. Получите. Что еще?

Иванов. Ничего, выполню. Но имейте в виду: одновременно сообщу об этом в партком как о ненужной и вредной вещи.

Трубников (*улыбнувшись*). Можете передать через меня.

Иванов. Ваша ирония неуместна. Вы в партии еще не так давно, а передо мной там тоже двери не закрыты.

Трубников. Я пошутил.

Иванов. А я нет...

Трубников (*улыбнувшись*). Вы прямо, как князь Святослав, который заранее объявлял хазарам: «Иду на вы».

Ольга Александровна (*приотворяя дверь*). Можно?

Трубников. Входи.

Входят Ольга Александровна и Лена. Ольге Александровне сорок лет. Это красивая женщина со спокойным лицом, очень внимательными глазами и гладко зачесанными назад и собранными в большой пучок волосами. В ее голосе и движениях есть того рода покоряющее природное спокойствие, которое не имеет ничего общего со спокойствием нервного, но умеющего держать себя в руках человека. Мы ее, как и Иванова, видели уже в начале картины. Лена моложе ее на пятнадцать лет и чем-то очень похожа на нее, пожалуй, больше повадками, чем лицом, – ровной походкой, привычкой часто приглаживать и без того гладкие волосы. Лена одета в сапоги, юбку и гимнастерку с узкими погонами капитана медицинской службы. Одежда эта идет к ней.

Трубников. Ах, вот как! Вы даже вдвоем.

Лена (*подойдя к нему, целует его*). Можно еще?

Трубников. Пока не надоест.

Лена. После четырех лет перерыва – это будет не скоро. (*Снова целует его.*) Федор Федорович, а вас можно?

Иванов. Так и быть. (*Лена целует его.*)

Трубников (*Иванову*). Вы удивительно стоворчивы. Я просто не узнаю вас.

Лена. А что, у Федора Федоровича все такой же дурной характер?

Трубников. Не сказал бы.

Иванов. Сергей Александрович хочет сказать, что с годами мой характер стал еще хуже.

Трубников. Да, но, несмотря на это, ему уже четверть века никак не удастся со мной окончательно поссориться.

Лена. А я думала, что после победы вы пойдете и расцветете.

Иванов. Я добр от природы. А что касается цветения, то, очевидно, я столетник, цвету раз в сто лет. Разрешите откланяться. Меня ждут мои микробы.

Лена (*поймав его за пиджак*). Нет, сначала скажите, вы помните меня или нет?

Иванов. Приблизительно.

Лена (*показывая рукой*). А такой?

Иванов. Помню.

Лена (*опуская руку еще ниже*). А такой? Помните вот такой, еще совсем девочкой? Я была с вами в экспедиции на Иссык-Куле! И было жарко, и тетя Оля возмутилась, что все мужчины ходят в одних трусах, а вы после этого вышли к обеду с опозданием, в трусах с проглаженной складкой, но в крахмальном воротничке и галстуке. Помните?

Иванов. Начинаю забывать. По милости вашего родителя, который уже третий год не пускает меня в экспедиции. Он превратил меня из охотника за микробами в шеф-повара на своей дьявольской кухне.

Трубников. Можно подумать, что он действительно стоит в колпаке у плиты. У него теперь одних лаборантов пятнадцать!

Иванов. Это не меняет дела. Я только и занят тем, что день и ночь варю и выращиваю ему микробов для его бесконечных опытов. Хоть бы они скорей кончились!

Трубников. И что дальше?

Иванов. А дальше я, наконец, опять уеду в свои пески и пустыни и буду ежедневно вместо вас видеть сусликов и песчанок, что для меня несравненно приятнее.

Трубников. Не выйдет. Когда я закончу свой последний опыт, ваши суслики и песчанки с их чумными микробами станут безопасными, как кузнечики, и вам незачем будет скитаться по вашим обожаемым пустыням.

Иванов (*Лене*). Если бы ваш отец с каждым годом подходил все ближе к замечательному, на мой взгляд, открытию, я бы давно ушел от него, потому что, к сожалению, с каждым годом люблю его все меньше. (*Выходит и тотчас же снова приотворяет дверь.*) Имейте в виду: только по письменному распоряжению. (*Скрывается.*)

Ольга Александровна. О чем это он?

Трубников. Да тут с посещением Окунева... Обычные его заскоки... (*Обняв за плечи Ольгу Александровну и Лену.*) Ну, милые мои, наконец-то опять все вместе, а? (*Лене.*) Почему ты в военном?

Лена. Мне захотелось в первый раз после войны прийти сюда, откуда я уходила на войну, вот так, в военном. Один раз в военном, а потом уже все равно. Тетя Оля, ты понимаешь это?

Ольга Александровна. Я никогда не была военной.

Лена. Ну просто как женщина.

Ольга Александровна. Как женщина понимаю: тебе это идет!

Лена. Я даже не заметила, как уснула вчера.

Трубников. Как сурок, в два счета.

Ольга Александровна. Отец поднял тебя с дивана и на руках отнес в спальню.

Лена. Правда? Значит, ты все еще такой же сильный?

Ольга Александровна. Все по-старому: каждое утро гимнастика, каждое воскресенье на весь день уходит с Федором Федоровичем на лыжах.

Лена. Ходите весь день на лыжах и бранитесь?

Трубников. На лыжах – нет: на лоне природы он смягчается.

Лена. По-моему, раньше он был добрее.

Трубников. Раньше он был моложе. А сейчас нам с ним по пятьдесят четыре, а он хотя уже и профессор, но, в сущности, все еще только превосходный, но ординарный исполнитель моих идей. Ему начинает казаться, что жизнь, такая, какой она была задумана, не удалась. А это портит характер.

Ольга Александровна. Потому, что ты не стесняешься и постоянно даешь ему это чувствовать.

Трубников. Ну, конечно, если бы он работал в твоём отделе, то при помощи твоих реверансов всем, вплоть до уборщиц, – «наш отдел, наш опыт, наша идея, наш успех», – ты бы ему позолотила пиллюлю.

Ольга Александровна. Я никому не золочу пиллюлю. Я просто считаю...

Трубников. Оставим этот спор, он утомительно повторяется.

Лена. Вот как! Вы стали спорить? Это новость.

Трубников. О, у нас новостей хоть отбавляй! В особенности с тех пор, как Ольга Александровна стала молодым кандидатом партии...

Ольга Александровна. Не смей говорить об этом в ироническом тоне!

Трубников. Какая уж тут ирония! Я говорю об этом с трепетом. (*Лене.*) Твоя тетка недавно публично «проработала» меня на партийном собрании.

Лена. И ты, я вижу, сердисься?

Трубников. Нет, я просто считаю, что значительно проще было бы обменяться нам с ней мнениями дома, за утренним чаем.

Лена. Пока что сегодня я пила чай одна, вы оба уже удрали в институт. Честно говоря, могли бы разбудить или подождать. Все-таки я не была дома четыре года.

Трубников. Ничего не поделаешь! Привычка – вторая натура. Двадцать лет каждый день в десять я здесь, за этим столом.

Лена. Не считая трех лет эвакуации.

Трубников. Почему? Только другой город, другая комната и другой стол. Я оставался самим собой. (*Телефонный звонок. Снимает трубку.*) Да. Здравствуйте, Виктор Борисович! Вы внизу?.. Нет, не раздевайтесь, я сам спущусь. Мы пойдем в лабораторию, это надо через двор. (*Кладет трубку.*) Приехал Окунев. Я похожу с ним по институту и вернусь. Вы будете здесь?

Ольга Александровна. Если ты недолго. В одиннадцать у меня будут готовы свинки для прививок, тогда я уведу Лену к себе.

Трубников. Ну, если не дождетесь, то до обеда. (*Выходит.*)

Лена (*сидя за письменный стол*). Вот здесь он сидит и работает... Все, как раньше: нож для бумаги прямо, закладки слева, карандаши справа... Что это? Очки? Разве он их носит?

Ольга Александровна. Только когда работает.

Лена. Все равно. Бедный папа, он всегда так гордился своими глазами охотника!..

Ольга Александровна. Он удивительно много работал эти годы.

Лена. А ты, как всегда, – только о его работе и ничего о своей, ничего о себе.

Ольга Александровна. А что мне сказать о себе, кроме того, что я двадцать шесть лет рядом с ним!

Лена. Старая песня! Двадцать шесть лет назад ты была четырнадцатилетней девочкой, которая мыла ему пробирки. А теперь ты его заместитель по научной части.

Ольга Александровна. Вот к этому я как раз еще и не привыкла.

Лена. За три года?

Ольга Александровна. Да. Когда ему намекнули, что неудобно одному занимать две должности, он, не колеблясь, оставил за собой директорскую, а заместителем по научной части провел меня, просто для того, чтобы ему не назначили кого-нибудь другого. По существу, я

заведую своим отделом – и все. Когда же надо представлять институт в целом, он все берет на себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.